

Б. Г. Юдин

Медицина и конструирование человека*

Все мы привыкли к тому, что медицина занимается восстановлением и поддержанием здоровья человека. Иными словами, в общем и целом усилия служителей медицины направлены на то, чтобы вернуть человека в некоторое *естественное*, т. е. в нару-

шенное тем или иным недугом *состояние* нормы¹. С этой целью медики разрабатывают и применяют определенные средства и методы — то, что можно назвать медицинскими технологиями. Применение этих технологий является всеобщей деятельно-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №06-06-80309.

стью — всеобщей в том смысле, что каждый человек в течение своей жизни так или иначе оказывается в роли их пользователя.

Примерно та же степень всеобщности характерна и для средств и методов, т. е. технологий, используемых в практиках образования и воспитания. Отличает же эти практики от практик медицины то, что они изначально ориентированы на изменение — формирование, развитие и т. п. индивида.

Разумеется, и в этих сферах деятельности существуют определенные нормы, в частности нормы, которым должен соответствовать образованный, воспитанный человек. Но в отличие от тех норм, по которым мы оцениваем здоровье индивида, для достижения этих норм мы должны не восстанавливать нечто уже бывшее, а так или иначе трансформировать, изменять, переделывать того, кого мы воспитываем и образовываем. Говоря более резко, в первом случае речь идет о *воссоздании*, здесь же — о *создании заново*.

Стало быть, по отношению к индивиду медицинские практики есть практики прежде всего реконструктивные (в широком смысле слова — терапевтические), тогда как образовательно-воспитательные — это практики конструирования. Вместе с тем, если подходить с точки зрения социума, то и те, и другие практики выступают как практики воспроизводства того, что сегодня принято называть человеческим капиталом или человеческим потенциалом². Действительно, с этой точки зрения вся образовательно-воспитательная деятельность, вся работа социализации значима не в том смысле, что в каждом конкретном случае конструируется уникальный человеческий индивид, а лишь постольку, поскольку она обеспечивает упорядоченную смену поколений таких индивидов, которые — безотносительно к их уникальности — призваны выполнять те или иные социально значимые функции.

Но, далее, резкость нашего противопоставления этих двух видов практик может быть смягчена и в другом ракурсе. Дело в том, что в современном обществе круг применения медицинских технологий быстро

расширяется. И эта тенденция проявляется двояко.

Во-первых, сегодня очень много говорят о феномене медиализации. Суть его — в том, что те или иные характеристики, состояния, свойства человеческого организма и (или) поведения, которые прежде никак не связывались с оценкой здоровья человека и не предполагали медицинского вмешательства, начинают восприниматься и описываться в медицинских терминах.

Вот характерный пример. В последние десятилетия объектом пристального внимания медиков стал синдром, получивший название «дефицит внимания — гиперактивность». Его признаки обнаруживаются чрезвычайно часто у мальчиков школьного возраста, которым бывает трудно тихо сидеть на занятиях в классе, которые часто отвлекаются и отвлекают окружающих, не могут сосредоточиться и т. п. С 1980 г. этот синдром фигурирует в официальном перечне психических расстройств, составленном Американской психиатрической ассоциацией. Между тем, несмотря на многолетние исследования, причины его не установлены, и диагностируется он только по весьма субъективно определяемым симптомам, таким как затрудненная концентрация и гиперактивность моторных функций. По некоторым оценкам, ту или иную форму этого расстройства можно обнаружить у 15 млн жителей США — а это значит, что страна переживает эпидемию ошеломляющих размеров³.

Таким образом, те особенности характера и поведения, которые прежде было принято корректировать педагогическими средствами, теперь попадают в область медицинских вмешательств. В результате случается так, что и сами страдающие этим расстройством, и их близкие впадают в отчаяние, полагая, что неспособность концентрироваться обусловлена не всего лишь слабостью характера или отсутствием воли, а более глубокими, органическими причинами. Вместе с тем сама квалификация таких поведенческих особенностей как медицинского диагноза дает им основания сни-

мать с себя ответственность за собственные действия.

Другим примером медиализации может служить все более широкое использование методов пренатальной (предродовой) диагностики, которая нередко применяется для выявления и селективного аборта будущих детей, те или иные свойства которых (сегодня это чаще всего пол) не удовлетворяют родителей.

Во-вторых, сферой если не практических действий, то по крайней мере весьма острых дискуссий становятся разработка и применение медицинских технологий не в традиционных — реконструктивных целях, а для реализации замыслов, направленных на *конструирование* человека. Иными словами, в этом случае имеется в виду не воссоздание (*существующей*) нарушенной нормы, а осуществление *новаторского проекта*. Когда мы ориентируемся на норму, мы стремимся воспроизвести нечто уже существующее или бывшее; выстраивая проект и действуя в соответствии с ним, мы стремимся привнести в мир что-то принципиально новое.

В данной статье мы будем обсуждать возможность представить медицину в нетрадиционном качестве — в качестве сферы деятельности, руководствующейся не столько нормой, сколько проектом. Особо отметим, что понятия и нормы, и проекта в этом случае относятся к человеческому индивиду, что задает специфический ценностный контекст обсуждения интересующей нас проблемы.

* * *

Вообще говоря, до недавнего времени идеи конструирования человека обсуждались главным образом создателями разного рода утопических замыслов. Поэтому и мы попробуем теперь обратиться к миру утопии. В нем, как и везде, сегодня происходят кардинальные перемены. Время социальных утопий, видимо, уходит в прошлое. Одной из главных причин этого, на наш взгляд, является то, что утратил актуальность сам *замысел* построения *идеального социального порядка*. Он представляется ныне не только недо-

стижимым, но и, что более важно, не особенно привлекательным. Ключевую роль в его развенчании сыграли антиутопии XX века — как художественные вымыслы (или прозрения) Евг. Замятина, А. Платонова, Дж. Оруэлла, О. Хаксли и других авторов, так и те, не менее жуткие, которыми обернулась практическая реализация некоторых утопических проектов. Поэтому наши искушенные современники бывают не очень-то склонны уповать на социальный порядок — к нему, как правило, предъявляются минимальные требования: только бы не мешал жить.

Сам же импульс, питающий утопическое мышление, отнюдь не иссяк. Теперь оно прорастает на иной почве — *место социальных утопий занимают утопии индивидуальные*. Разумеется, мы здесь имеем в виду не проекты создания идеального человека — таковые всегда были главной составной частью социальных утопий. Объектом же индивидуальных утопий является будущее не общества, а самого «утопающего», его детей, вообще близких, вплоть даже до генетических копий, получать которые можно будет путем клонирования. В пространственном отношении такая утопия ограничивается непосредственным окружением, оказывается локальной. Вождения же направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная, долгая (в пределе, и сегодня уже отнюдь не только абстрактно мыслимом, — бесконечная) жизнь. Такого рода проекты, ориентирующиеся на достижения (чаще чаемые, чем реальные) генетики, именуют «приватной», «семейной», «домашней» евгеникой.

Ориентиром и мерой прогресса при этом выступает непрестанное, в идеале даже безграничное, расширение индивидуальных возможностей человека. Что касается средств, которые предполагается использовать для реализации этих упований, то основные надежды теперь возлагаются отнюдь не на социальные преобразования, а на достижения науки и технологии. Действительно, неис-

черпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические и медицинские науки, прежде всего — генетика. Они выступают в этой роли вовсе не впервые, но в контексте современных утопических умонастроений их роль оказывается весьма своеобразной.

* * *

Утопический проект создания ребенка с заранее предопределенными характеристиками и качествами или, иными словами, замысел *конструирования человека* вполне можно считать некоей сверхидеей, которой вдохновляются многие из тех, кто так или иначе вовлечен в биотехнологическую революцию. Этот замысел действительно выступает как новое, современное выражение воззрений, которые акцентируют ведущую роль биологических, генетических начал в определении природы человека.

Для более обстоятельного анализа истоков и предлагаемых путей реализации этого замысла обратимся к уже упоминавшейся книге Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции»⁴. В предисловии к ней автор соглашается с теми своими оппонентами, которые оспаривали идею «конца истории». И причина такого изменения позиции, по словам Фукуямы, — вовсе не события 11 сентября 2001 г. Он не склонен интерпретировать атаку террористов в духе «столкновения цивилизаций» — западной и исламской — по С. Хантингтону. «Я считаю, — пишет Фукуяма, — что эти события вовсе не были проявлением чего-либо подобного и что исламский радикализм, стоящий за этими событиями, есть всего лишь отчаянная арьергардная акция, которая со временем будет подавлена более широкой волной модернизации» (р. XII).

Основанием же для того, чтобы не просто отрицать конец истории, но и более того, говорить о ее *возобновлении*, являются, с точки зрения Фукуямы, происходящая ныне биотехнологическая революция и те вызовы, которые она ставит перед человеком, перед

обществом, перед политикой. Эта революция — не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий; она приводит к тому, что будущее человечества вовсе не является предопределенным, как это утверждалось в концепции «конца истории». Напротив, оно оказывается открытым и притом в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий.

Фукуяма рисует несколько довольно мрачных сценариев «постчеловеческого будущего»; при этом он отмечает, что некоторые из такого рода тенденций отчетливо просматриваются уже сегодня. Пути же в это постчеловеческое будущее как раз и прокладывает биотехнологическая революция. Человечество, впрочем, отнюдь не обречено на такое будущее, однако, для того чтобы избежать его, людям надлежит прилагать специальные усилия, усилия целенаправленные и скоординированные.

Исходное представление о постчеловеческом обществе автор очерчивает путем сопоставления двух популярнейших антиутопий — «1984» Дж. Оруэлла и «Прекрасный новый мир» О. Хаксли. Обе они, по мнению Фукуямы, предвосхитили две большие технологические революции: базисом первой антиутопии являются информационные, а второй — биологические технологии. Но если технологические прогнозы оказались довольно точными в обоих произведениях, то в политическом отношении предвидения Дж. Оруэлла безнадежно уступают тем, которые были сделаны О. Хаксли.

В целом различные модели «жесткого» тоталитаризма, который живописал Оруэлл, ненадолго пережили установленную им сакраментальную дату — 1984 г. В то же время технологические возможности, многие из которых уже 75 лет назад предвидел Хаксли, такие, как оплодотворение в пробирке, суррогатное материнство, психотропные лекарства и т. п., в ходе их все более расширяющегося применения заложили основы для более «мягких», однако и более основательных, глубинных способов воздействия на человека.

Как писал в этой связи в 1946 г. сам Хаксли, его интересовали в романе «лишь те научные успехи, те будущие изыскания в сфере биологии, физиологии и психологии», результаты которых могут быть непосредственно применены к людям. И далее: «Жизнь может быть радикально изменена в своем качестве только с помощью наук о жизни. Науки же о материи, употребленные определенным образом, способны уничтожить жизнь либо сделать ее донельзя сложной и тягостной; но только лишь как инструменты в руках биологов и психологов могут они видоизменить естественные формы и проявления жизни»⁵.

В противоположность «1984» в «Прекрасном новом мире», как отмечает Фукуяма, «зло не столь очевидно, поскольку никто не страдает; действительно, в этом мире каждый получает то, что он хочет. ...В этом мире нет болезней и социальных конфликтов, нет депрессий, душевных расстройств, одиночества или эмоционального страдания, секс всегда качественный и легко доступный» (р. 5). Но хотя люди в «Бравом новом мире» здоровы и счастливы, они, продолжает Фукуяма, перестают быть *человеческими существами*. Они больше не борются, у них нет желаний, любви, они не чувствуют боли, не встречаются с ситуациями сложного морального выбора, у них нет семей, и вообще они не делают ничего из того, что мы традиционно связываем с человеческим существованием.

«Прекрасный новый мир», таким образом, — это вовсе не грубое насилие над человеческой природой. Это — радикальное ее преобразование, которое можно интерпретировать даже как полный отказ от нее во имя чего-то другого.

Сегодняшнее развитие науки и техники открывает такие возможности реализации утопий, которые были недоступны во времена Хаксли и Оруэлла. «Если, — пишет Фукуяма, — оглянуться на средства, которые использовали социальные инженеры и планировщики утопий прошлого столетия, они представляются невероятно грубыми и *нена-*

учными (курсив наш. — Б. Ю.). Агитпроп, трудовые лагеря, перевоспитание, фрейдизм, выработка рефлексов в раннем детстве, бихевиоризм — все это было похоже на то, как если бы квадратный стержень природы человека пытались забивать в круглое отверстие социального планирования. Ни один из этих методов не опирался на знание нейронной структуры или биохимической основы мозга; ни у кого не было понимания генетических источников поведения, а если и было, то его нельзя было применить для воздействия на них» (р. 15).

По правде говоря, сам по себе недостаток научных знаний редко ограничивает утопически-конструкторскую мысль, и едва ли изобретатели и пользователи перечисленных Фукуямой методов воспринимали такой дефицит как серьезное препятствие. Напротив, каждый из этих методов считался, а в известной мере и был, воплощением самых последних достижений научного гения, которые тогда было попросту невозможно оценивать и критиковать с наших сегодняшних позиций. Вместе с тем не стоит переоценивать научную обоснованность и практическую эффективность сегодняшних, безусловно, намного более изощренных, технологий воздействия на человека. Вполне вероятно, что через полстолетия и они будут восприниматься как ужасно грубые, неэффективные и малонаучные. На наш взгляд, различия между утопизмом тогдашним и нынешним лежат совсем в другой плоскости.

Обращаясь к вопросу о том, насколько реальны опасности, порождаемые современной биотехнологией, Фукуяма рассуждает следующим образом. Возможно, замечает он, со временем мы обнаружим, что последствия биотехнологии исключительно благоприятны и что зря мы из-за них теряли спокойный сон. Возможно также, что биотехнология окажется не столь могущественной, как это представляется сегодня, или что люди проявят достаточную умеренность и осторожность в обращении с нею. Но эти оптимистические ожидания подрывает то обстоятельство, что, в отличие от многих

других научных достижений, биотехнология создает неразделимую смесь очевидных благ и трудно уловимого вреда. «Во многих случаях, — отмечает Фукуяма, — медицинские технологии предлагают нам сделки с дьяволом: более продолжительная жизнь, но с пониженными умственными способностями; освобождение от депрессии с одновременным освобождением от творчества и от духовной жизни; лечение, которое размывает грань между тем, чего мы достигаем сами по себе, и тем, чего мы добиваемся за счет воздействия на наш мозг различных химикатов» (р. 8).

* * *

Нетрудно заметить, что современного человека все больше тяготит зависимость от неподконтрольных ему факторов — окружающей среды, времени, собственных психофизических данных. Болезни, старческая немощь, недостаточная физическая и психическая выносливость, ограниченный объем памяти, ограниченность наших интеллектуальных и физических способностей — все это начинает осознаваться в качестве *проблем*, которые допускают и даже требуют технологических решений.

Природа человека, таким образом, оказывается полигоном для самых разнообразных манипуляций и модификаций. Технологии таких вмешательств в природу человека разрабатываются в широком спектре научных дисциплин: генетике человека, когнитивных науках, нейрофизиологии и нейрофармакологии, психологии и других науках о поведении. Чаще всего импульс для разработки этих технологий модификации исходит из медицины, занятой поиском новых путей излечения болезней и восстановления здоровья. Однако нередко на этих путях задачи *исцеления* человека трансформируются в задачи его *улучшения*.

Выстраивается такого рода последовательность. Сначала в биомедицинских науках ищутся и разрабатываются методы лечения тех или иных заболеваний. Затем ставятся более широкие задачи — скажем, генетические тесты позволяют выявлять

многие дефекты не тогда, когда они проявляются воочию, а на более ранних стадиях, когда они существуют еще, так сказать, в потенци, на уровне наследственной предрасположенности. Речь при этом идет уже не столько о терапии, сколько о профилактике. А потом оказывается, что эти методы могут быть применены и для того, что по-английски называется *enhancement*, а если перевести на русский язык — для улучшения человека. При этом имеется в виду не устранение у него каких-либо дефектов, не их профилактика, а то, чтобы сделать его в каких-то параметрах лучше. Это может быть, скажем, более высокий рост, или более высокий коэффициент интеллекта, или развитые музыкальные способности и т. п. Таким образом, наряду с терапией и профилактикой начинают задумываться о возможностях улучшения.

Следующий шаг в этом направлении ведет нас к тому, что можно называть радикальной модификацией человека. Такая модификация — это уже не просто «улучшение» человека, а создание человека с заранее заданными свойствами. При этом один человек становится не только в биологическом, но и в некотором всеобъемлющем смысле слова творцом другого человека. Сначала человек А составляет для себя план творения, согласно которому будущий человек Б должен обладать таким-то и такими-то свойствами. Одно из расхожих выражений, используемых в этой связи в английском, — *designer baby*, то, что можно перевести на русский как «дитя проекта». То есть прежде всего разрабатываются как бы чертежи или даже «техническое задание»: будущие творцы-родители обсуждают со специалистами-генетиками то, какими чертами и свойствами должен обладать будущий ребенок. И уже после того, как техзадание согласовано, специалисты-генетики составляют планы, чертежи, в соответствии с которыми будет проектироваться ребенок.

Предполагается, таким образом, что генетики сначала определяют «гены, ответственные за» такие свойства, как интеллект, рост,

цвет волос, агрессивность или самооценка, а затем на основании этих знаний создадут «наилучшую» версию ребенка. При этом не обязательно даже, чтобы тот или иной порочный ген был человеческим.

Конечно, такой путь чреват многими опасностями, часть из которых сегодня обсуждается в дискуссиях по поводу клонирования человека. Действительно, модификация существующих или введение новых генов может привести ко множеству самых разнообразных и неожиданных последствий. Важно поэтому, чтобы практическое применение любой формы генетической инженерии, которая может привести к значительным эффектам на индивидуальном и популяционном уровнях, предварялось убедительной демонстрацией ее желательности, безопасности и относительной дешевизны. Однако такой рациональный ход событий вовсе не является предзаданным.

Уже есть прецеденты того, что новые медицинские технологии порождают популяционно значимые эффекты в результате миллионов решений, которые люди принимают на индивидуальном уровне. «Достаточно, — пишет Фукуяма, — всего лишь взглянуть на современную Азию, где сочетание дешевых радиogramм и легкодоступного аборта привело к резкому изменению в соотношении полов. В Корее, например, в начале 1990-х годов рождалось 122 мальчика на 100 девочек при нормальном соотношении 105 к 100. Соотношение в КНР лишь немногим меньше, 117 мальчиков на каждые 100 девочек, а в северной Индии существуют места, где это соотношение еще более смещено⁶. Это привело к дефициту девочек в Азии, который экономист Амартья Сен оценил в 100 млн. Во всех этих обществах аборт в целях выбора пола незаконен; но, несмотря на давление правительств, желание отдельных родителей иметь наследником мальчика порождает сильно деформированное соотношение полов» (р. 80–81).

По словам Г. Стока, «в большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка для целей вы-

бора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее, дало удивительный результат: из 8000 абортированных зародышей 7997 были женского пола. А в Южной Корее подобные аборт получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, — мальчики, видимо, из-за того, что супруги не хотят появления еще одной девочки»⁷.

Этот перекокс в соотношении полов может привести к серьезным социальным последствиям. Так, уже во втором десятилетии нашего века Китай столкнется с ситуацией, когда пятая часть мужского населения, находящегося в брачном возрасте, не сможет найти невест. Ясно, что такой переизбыток неприкажанных молодых людей породит немало проблем.

Неизвестно, станет ли когда-либо генетическая инженерия столь же дешевой и доступной, как радиogramмы и аборт. Но если, к примеру, ее методы позволят производить детей с более высоким уровнем интеллекта, то это, скорее всего, породит новую евгеническую волну. Речь пойдет не о том, чтобы предотвратить появление детей у людей с низким коэффициентом интеллекта (задача негативной евгеники), а о том, чтобы помочь таким людям повысить этот коэффициент (задача позитивной евгеники) как у себя, так и у своих детей. И именно государству придется обеспечивать доступность этой технологии, что и приведет к значимым последствиям на популяционном уровне. Пока что такого рода сюжеты относятся к области фантастики, тем не менее сегодня они уже широко обсуждаются не только в научно-фантастической литературе, но и в серьезных философских, да и не только философских, исследованиях.

Следующий вопрос — это вопрос о том, какие именно технологии могут быть применены для улучшения и для модификации человека. Разумеется, прежде всего это те технологии, которые разрабатываются в генетике, на уровне манипуляций с отдельными генами или с геномом в целом. Второй

тип технологий базируется на достижениях и перспективах того, что сегодня получило название *neuroscience* — нейронаука, нейрофизиология, манипуляции, осуществляемые на уровне нейронов. Эта область привлекает все более пристальное внимание; объектом острых дискуссий становятся и возникающие здесь этические проблемы — некоторые авторы выделяют их в отдельную сферу, получившую название нейроэтики.

В последнее время в качестве весьма перспективного направления модификации человека начинают рассматриваться нанотехнологии⁸. Здесь речь идет о манипуляциях, осуществляемых в масштабах нанометров, т. е. отдельных молекул. Представляется, что можно говорить и еще об одной сфере, где разрабатываются такие технологии, — это сфера психологических, психотерапевтических, психиатрических и т. п. воздействий на человека.

* * *

Конечно, человек начал воздействовать на самого себя отнюдь не сегодня. Сколько он существует на Земле, столько он воздействует и на окружающий мир, и на самого себя. В общем и целом, воздействуя на окружающий мир, он тем самым воздействует, хотя и опосредованно, и на самого себя, модифицирует не только окружающую, но и свою собственную природу. Но в нашем случае речь идет не о воздействии на окружающую природу, а о непосредственном воздействии на человека.

Хотелось бы обратить внимание на такое обстоятельство. Когда человек изменяет окружающую природу, то изменение его собственной природы выступает как нечто вторичное и, вообще говоря, непреднамеренное. А те воздействия, которые интересуют нас здесь, — это воздействия преднамеренные. Так вот, есть одна весьма существенная разница между тем, как мы воздействуем на окружающую природу и как воздействуем на свою собственную природу.

В первом случае, при наших воздействиях на окружающую природу, у нас есть нечто

вроде масштаба, точки отсчета, если угодно. Потому что мы изменяем ее, исходя из своих желаний, нужд, потребностей и интересов. Конечно, у разных людей эти желания, нужды, потребности, интересы могут быть совершенно разными, но тем не менее есть какие-то общие рамки, позволяющие их так или иначе соотносить, соизмерять.

Во втором же случае, когда мы воздействуем на человека, т. е. на самих себя, мы лишены такой мерки. В самом деле, сначала мы хотим как-то изменить существующее состояние, поскольку обнаруживаем какие-то отклонения от нормы, которые хотели бы ликвидировать или по крайней мере минимизировать, т. е. имеем в виду терапию. Далее возникает вопрос об улучшении каких-то существующих свойств. Но затем, когда речь заходит о радикальной модификации человека, то оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам по себе задает для себя этот масштаб, а потому единственным, что может определять эти планы и проекты, является, наверное, человеческая фантазия.

В ситуации такой неопределенности особую значимость приобретает вопрос о ценностных, моральных аспектах того выбора, перед которым сегодня оказываются люди. Не случайно вокруг проблем модификации человека разгораются острые идейные споры. По-видимому, на сегодня преобладающей является позиция осторожного отношения к различным технологиям модификации человека. Тем не менее все большую силу набирает довольно-таки радикальное международное и междисциплинарное движение, которое называет себя трансгуманизмом. Приведем несколько положений из его декларации:

В будущем технологии радикально изменят человечество. Мы предвидим возможность реконструирования человеческого существа, включая такие параметры, как неизбежность старения, ограниченность человеческого и искусственного интеллекта, невозможность выбора собственной психологии, страдание и нашу ограниченность планетой Земля.

— Для понимания этих грядущих перемен и их долгосрочных последствий необходимы систематические исследования.

— Трансгуманисты считают, что, будучи широко открытыми по отношению к новым технологиям и принимая их, мы имеем больше шансов обратить их себе на пользу, чем если мы будем пытаться запрещать их или им препятствовать.

— Трансгуманисты отстаивают право тех, кто того желает, использовать технологии для расширения своих умственных и физических (включая репродуктивные) способностей и усиления контроля над собственной жизнью. Мы стремимся к личностному росту за гранью наших нынешних биологических пределов.

— При планировании будущего необходимо учитывать перспективы поразительного прогресса технологических возможностей. Будет трагедией, если технофобия и излишние запреты не позволят обрести потенциальные блага. Вместе с тем трагедией окажется и уничтожение разумной жизни вследствие катастрофы или войны, вызванной применением передовых технологий.

— Трансгуманизм защищает благополучие всего того, что наделено способностью чувствовать (включая искусственные интеллекты, людей, постлюдей или животных) и включает в себя многие из принципов современного гуманизма⁹.

Пока еще трудно судить, является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма либо же с позиций трансгуманизма гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное. Во всяком случае, мы можем констатировать, что замыслы, направленные на конструирование человека, в чем-то существенном оказываются трудно отличимыми от замыслов полного разрыва с природой человека и выхода в мир совершенно неведомых нам существ. Так, может быть, занимаясь сегодня науками о человеке, мы изучаем уходящую натуру? Хотелось бы надеяться, что это не так.

¹ См.: Юдин Б. Г. Здоровье: факт, норма, ценность // Мир психологии. 2000. № 1 (21).

² См. в этой связи, напр.: Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. № 4; Основы изучения человеческого развития / под ред. Н. Б. Баркалова, С. Ф. Иванова. М., 1998; Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / под ред. И. Т. Фролова. М., 1999; Человеческий потенциал как критический ресурс России / под ред. Б. Г. Юдина. М., 2007.

³ См. об этом, напр.: Fukuyama F. Our Post-human Future : Consequences of the Biotechnology Revolution Farrar. N. Y. : Straus and Giroux, 2002. P. 43–56.

⁴ См.: Fukuyama F. Op. cit. В дальнейшем цитируемые страницы этой работы будут указываться в тексте в скобках.

⁵ Хаксли О. О дивный новый мир // Утопия и антиутопия XX века. М., 1990. С. 300.

⁶ В рабочем докладе «Этические аспекты выбора пола», подготовленном аппаратом Совета по биоэтике при Президенте США (январь 2003 г.), приводятся несколько другие данные: Венесуэла — 107,5; Югославия — 108,6; Египет — 108,7; Гонконг — 109,7; Южная Корея — 110; Пакистан — 110,9; Дели, Индия, — 117; Китай — 117; Куба — 118; в Азербайджане, Армении и Грузии эта величина достигает 120. Авторы доклада считают, что если соотношение количества мальчиков и девочек при рождении превышает 106 к 100, это свидетельствует о реальном применении практики выбора пола. См.: Staff Working Paper : Ethical Aspects of Sex Control (<http://www.bioethics.gov/>).

⁷ Stock G. Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future. Boston — New York : Mariner Books, 2003. P. 14.

⁸ См., напр.: Nanotechnology: Risk, Ethics and Law // Ed. by Geoffrey Hunt and Michael D. Mehta., L. : Earthscan, 2006; Беялетдинов Р. Р. Нанотехнологии — много шума из ничего? // Человек. 2007. № 5.

⁹ См.: <http://transhumanism.org/index.php/WTA/declaration>